

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

РЕДАКТОР ВЫПУСКА
ЛЮБОВЬ КЛЮЕВА

ОСЕНЬ, ЧУТЬ ПЕЧАЛЬНО УЛЫБАЮТСЯ РЯБИНЫ...

НАТАЛИЯ АБАШИНА

* * *

Красные улыбки винограда.
Девичий – ну, что с него возмёмшь?
Как девчонки хвалятся помадой,
Пропадут дурашки ни за грош.
Облетели листики-улыбки.
Лишь один трепещет на ветру.
Всё прекрасное на свете зыбко,
Как туман рассветный поутру.
Мне не жаль тех листьев улетевших,
Осень обещает нам весну.
В снежной мягкой шубе разомлевши,
Почки новые до времени уснут.
Май оденет всё в зелёный морок:
Травы, листья, ветки и кусты.
Лишь во сне летит, кружится ворох
Красных листьев с виноградной высоты.

* * *

Осень. Листья. Золото и медь.
Чуть печально улыбаются рябины.
Разудалых песен некому пропеть,
Птичьи трели словно угодили в сеть.
Лишь витает-таёт вальс-бостон старинный...
Яблоки. Антоновка. Сады.
Полные корзины за калитками.
Дождик к нам не ходит. Хочется воды.
Коль земля не поена, не было б беды.
К небесам взываем истово молитвами.
Сушь. Пожары. Горе не одно.
За парней тревожимся, что в лесах тех бьются
За Россию-матушку! Право им дано
Новой мирной жизни выткать полотно.
Сохрани, Всевышний, их, пусть домой вернуться!

Осень. Листья. Золото и медь.
Мы сумеем, мы должны суметь!

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВА

* * *

«Уж сколько их упало в эту бездну...»
М. Цветаева

Полураскрытые ладони
кленовых листьев на асфальте
колёса давят, ветер гонит
в канавы... Ладно, не печалься:
они своё прожили лето.
Упало их – не перечить!
Зачем? На это нет ответа.
А осень – есть, и листья – есть...

* * *

Кобылице в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя.
«Песнь песней Соломона»

Первый снег. А ты уехал в мае.
Замело тропинку и крыльцо.
Я в который раз с руки снимаю
узкое и тёмное кольцо.
Я в который раз на нём читаю:
«Всё пройдёт...» И прав был Соломон:
всё проходит. Вот и снег растает.
Вот и жизнь пройдёт, как смутный сон.
Мне одно и то же стало сниться –
говорит с моей твоя душа:
«Словно кобылица в колеснице,
так ты, Суламита, хороша!»
Вечны превращения в природе,
чтобы догадался человек:
ничего бесследно не проходит –
ни любовь, ни жизнь, ни этот снег...

ФОТО ИЗ СВОБОДНЫХ ИСТОЧНИКОВ

МАРИНА БОРМАТОВА

КРАСНАЯ ДАТА

Мы каждый год проходим мимо
Той даты, что придёт однажды
И станет выпукло и зримо
Той самой Встречей, самой важной,
Которой ждём мы и страшимся,
Надеясь, впрочем, на бессмертье,
О, как мы жалко суетимся
В извечной жизни круговерти,
А дата ждёт неторопливо
Свою добычу сделать Красной...
Но Бог нас судит терпеливо,
Ведь дал нам жизнь Он не напрасно!

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ГАМЛЕТА»

Король погиб... Да здравствует король!
Другой, который старого заменит.
Да, каждый для себя играет роль,
Пока Закон Создатель не отменит.
Разлучены могильною плитой
Мы ненадолго, жди меня, мой милый,
Признаюсь, отдала тебя я той,
Чей дух всегда витает над могилой.
Бессмертных нет, ведь с огненным мечом
Стоит в Эдеме Ангел и поныне,
А мы, хоть Знанием овладели, дурачьём
Всё остаёмся; тело стынет, стынет,
Становится добычей для червей –
Хоть тело короля, хоть тело мага.
Удильщик, рыбу выловив, скорей
Задумайся пред следующим шагом:
Ты рыбу съешь, а с ней и червяка,
Который ел... (смотри на строчки выше)
Ты рыбу съешь, и по твоим кишкам
Струится тело короля и снова дышит.
Таков круговорот людей в природе!

ВЕРА ЭММАУССКАЯ

Из книги «Бессонница»

* * *

Мне не давала спать пурга.
Ломилась с воем в окна, двери.
А поутру, под звон капли
Проснулась будто бы в апреле.
Но по земле ноябрь шагал.

Расползся жижей снег дорог,
Он под ногами сочно чавкал.
Бездомный пёс беззлобно гавкал –
Должно быть, до костей продрог.

И от вчерашней кутерьмы
Осталась мутной лужи проза,
Арбузный запах – дух мороза,
И удивленье, и угроза
Неотвратимости зимы.

* * *

Ранняя птаха рассвет
тонкозвонкой
песней встречает:
«Мы живы! Мы живы!»
Так голосиста! Откуда силёнка?
Может с постели не встать лишь ленивый.

Небо распахнуто голубое.
Солнце дрожит, поднимаясь всё выше.
Зайчики скачут по окнам, по крыше,
И у весны – ни минуты покоя!

Свечи свои запалили каштаны,
Запах сирени медово-дурманной,
В сахарной вате и вишни, и сливы.
И отовсюду несётся: «Мы живы!»
Мы живы!

ПОДБОРКА СТИХОВ ПОДГОТОВЛЕНА
МАРГАРИТОЙ КРЫЛОВОЙ

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВА

* * *

Юрию Александрову

Что за милый сиреневый цвет
вдоль заросшей тропинки мелькает?
«Эй, цикорий, ну, здравствуй, привет!»
И цикории молча кивают.
И, как в сказке, пойдёт время вспять:
я держу тебя за руку, мне снова пять,
я не знаю ни смерти, ни боли.
«А ты знаешь, я так же мала...
Папа, не уходи: я тебя так ждала,
в этом чудном сиреневом поле...»

МАРК АТЛАС

МОЕЙ СЕСТРЕ

Сестра, Лариса, помнишь серпуховский дом?
Его наш дед когда-то сам поставил.
И я живал, бывало, в нём,
И стариков тут навещал потом,
И здесь души частицу я оставил.

Пять комнат, кухня, две печи,
И длинная веранда-коридор.
Топилась печь всегда к ночи,
И утром еле грели кирпичи.
И был булыжником мощёный двор.

А на дворе том флигелёк стоял,
Ариша в нём колдунья проживала.
Её семье он кров давал
И колдовать ей позволяя,
Когда она на картах нам гадала.

Там бегал пёс когда-то во дворе:
Поставлен был усадьбу охранять,
В мороз пёс грелся в конуре.

Забавой был он детворе,
А нас пытался, встретив, облизать.

В саду – шесть яблонь, вишни и цветы,
А в огороде – даже помидоры.
Я там гулял, бывало, как и ты,
И нюхал эти самые цветы,
И слушал эти бабьи разговоры.

В корыто летом воду наливали
В июльскую жестокую жару.
На солнце эту воду нагревали,
И в ней меня лет до пяти купали,
Как и другую в доме детвору.

Под осень мы с Романычем вдвоём
Дрова, бывалочке, пилили,
Кололи их, сушили, а потом,
Дровишки запаливши берестом,
Печь изразцовую зимой топили.

И я любил, когда мне разрешали,
В дверь нашей печки на огонь глядеть:
В душе моей видения всплывали,
В иную жизнь меня, ребёнка, звали –
Хотелось побыстрее повзрослеть.

Я многое, наверно, позабыл,
Но что-то вспоминается порой:
Вот под верандой славный подпол был.
Романыч там свой штык хранил,
Германский, с Первой мировой.

Всё кончилось. Давно уж дома нет –
Многоэтажка там теперь стоит.
И не залезть мне в старый наш буфет,
И не набрать там горсточку конфет,
Романыч на крылечке не сидит,

И бабушка не жарит нам котлет.